

Рассказ Ильдара Абузярова «О нелюбви» – самый психологически трудный для восприятия, и не только в силу сложности стиля писателя, но, прежде всего, по заложенному смыслу. Я бы рекомендовала его для изучения типа эгоцентрической личности для студентов-психологов. Чаще всего мы узнаем про нарциссическую личность с точки зрения вторых и третьих лиц, но крайне редко такое повествование ведется от первого лица. Ибо люди этого типа живут в глухо замкнутом «я», а к внешнему миру обращают лишь удобные в конкретный момент маски. И на пути познания характера героя нам предстоит что-то понять и про общечеловеческие ценности, к которым он тоже имеет отношение, хотя и весьма своеобразно.

Богатый на эпитеты, метафоры и аллегории язык Абузярова позволяет определить душевное состояние героя как сон, «охраняемый каменными вековыми стенами и каменными веками» на маленьком островке с одинокой пальмой. И в это полусознательное настоящее пробила вест о смерти его давней возлюбленной. Это событие и стало мотивом для развития сюжета.

Неожиданно для себя герой обнаруживает, что давно потерянные светлые отношения с этой женщиной до сих пор являлись его внутренней опорой. Культивируемое им одиночество и независимость от кого бы то ни было становятся для него невыносимыми, и он выходит на

улицу в поисках подобной женщины как восстановления взорванной обоснованности жизни. Психологическая травма, с его точки зрения, оправдывает аморальность всего произошедшего далее. Как если бы он был обезумевшей матерью, ищущей и крадущей с улицы любого похожего на ее собственного потерянного ребенка. Себя же герой чувствует маньяком, вышедшим на охоту в поисках жертвы, которая и есть его «спасение». Он ощущает женщин, как охотник понимает повадки добычи, знает тропы, на которых можно с большей вероятностью встретить желаемое и завалить.

Но оценить ситуацию с точки зрения морали уже никому. Лишь он сам знает, что соединяло его с любимой. И был ли он перед нею виновен. Картины-воспоминания возникают как золотые крупички душевного общения, где физическая близость влюбленных – это что-то абсолютное, вынесенное за рамки повседневной жизни, не соединимое с нею. Любовь связана с первым восторгом молодости, когда всё: и свидания в дождь, и сладость дыхания, и бесконечные разговоры, и придумывание ласковых слов, и «наше место – только в объятьях друг друга», и нахождение «прекрасного во мне» – соединяется в цельную райскую картину счастья.

Но повествование о случайно попавшей на глаза портовой девице, шедшей в бар после своей «ночной смены», создает двойственность, раскол сознания и постоянно сбивается на обращение к погибшей возлюбленной. Пластичность речи, легкие, ничем не обозначенные переходы из внешнего мира во внутренний выражают драматизм соотношения элементов соответствия и несоответствия. Отказ девушки от джентльменски предложенного героем зонта сопряжен с «поток слез залили бытие».

Для повторения ли потерянного счастья мужчина ищет и находит внешне похожую «девушку»? Ведь со своей

возлюбленной он расстался уже давно и как-то жил без нее до сих пор. Нет, на примере одной ночи с портовой красоткой он модулирует психологическую ситуацию из прошлого в целом, стратегию отношений с женщиной вообще, все свои «страхи и комплексы». И всё дальнейшее развитие с пространными отступлениями-рассуждениями, сравнивающими эпизоды прошлого с происходящим сейчас, – это путь от упущенной возможности любви до осознания нелюбви.

Сначала герой – тонкий эстет, он любит прелесть молодой незнакомки, преследует ее, долго наблюдает за ней в баре, но решает вступить в отношения на слова песни: «Я не сплю с мужчинами, которых не хочу...». Он предлагает ей «выкарабкаться из-под этой дряни... на свет обыкновенных человеческих отношений», то есть цепляет ее за надежду на женское счастье. Поэтому как неловкость описан момент расчета, предоплаты за услуги. Затем от предвкушения приятного герой приходит к разочарованию. Пассаж о том, зачем же мужчины и женщины соединяют части тела, ведь всё равно их ждет крушение надежд, звучит как-то по-детски и даже слегка комично. Зато достигает нужного смыслового эффекта: контраст физического и душевного общения. Грубые телесные номинации или предметные, механистические сравнения (надвигающиеся друг на друга галеры) перечеркивают эстетическое любование новой женщиной, уточняют разные форматы сближения полов и трагический разрыв в сознании героя.

Интим с незнакомкой не принес ему должного удовлетворения, и, хотя он называет ее «не падшей, а классной», ему неприятны ее назойливые поцелуи. У нее своя судьба, к которой герой не имеет отношения, хотя и вытаскивает из нее откровенные разговоры. Почему же он, как Холден из романа Сэлинджера «Над пропастью во

ржи», не мог ограничиться просто разговорами по душам? Да потому что ему нужно было пройти весь цикл своей модели полового партнерства: сначала возвысить (ее и себя), наделить надеждой (ее и себя), а потом сбросить с высоты, унижить, оскорбить – ее, не себя. Он отталкивается, отворачивается и возвышается, чтобы не дать себе втянуться в эти отношения, чтобы уйти в свою раковину, потому что «мой дом – моя крепость», потому что это глупость – любить одну, когда ты молод, а на свете так много красивых, непознанных женщин, а ты – мечта каждой из них, и тебя ждет море любви, бесконечное снятие пенек, биение сердца и сладость первых шагов...

Ему нужно было убедить себя в том, что он еще способен нравиться женщинам (хотя это странно звучит в отношениях с девушкой за деньги), но ему хочется думать, что она влюблена и он «переспал с ней из жалости». Ведь нарцисс всегда дарит себя, даже если платит за это сам. Не это ли стало причиной его разрыва с возлюбленной, которая покончила с собой, возможно, не выдержав очередного крушения надежд?

Сам себе герой кажется цельным и логичным, но со стороны понятно, как у него в душе всё спутанно, расхристанно и плохо. Недаром по жанру это «история с вариациями». (Я бы даже сказала, что местами излишне затянутая, с избыточными пояснениями.) То он восхваляет значимость любви не вечной, любви для соединения без обязательств, то уверяет читателя, что у него в будущем возможны любимая жена и сын, которые спросят, любил ли он кого-нибудь в жизни (!), то утверждает свое одиночество, свою «нелюбовь» как основной принцип бытия. А порой даже кажется, что на наших глазах некто признается в совершенном моральном преступлении.

Любовь для него – это война, где нужно то обороняться, то одержать победу, причем проигрывает в этой вой-

не тот, кто первым признается в своей симпатии, в глубокой заинтересованности, то есть любящий. Любящая душа, даже живущая в отдалении, создает условие для самоутверждения. Ведь нарцисс не способен связываться со своим глубинным «я» без демонстрации или проявления любви к нему. Внутри он холоден, пуст, с каменным сердцем. Лишившись возлюбленной, он стал слаб, сентиментален, беззащитен, как черепаха без панциря, улитка без домика. Проиграв заново сценарий «нелюбви», пусть даже на такой девушке – с иммунитетом на обиды и оскорбления, он вернулся в свое глубинное «я», обрел панцирь-домик. Рассказ начинается и заканчивается местоимением «я», но в результате последнее «я» оказалось ниже первоначального: один на острове – один на дне.

В целом рассказ «О нелюбви» обнаруживает несколько аллюзий к произведениям разных стилей. Пассаж об «упущенных возможностях» в начале текста точно соответствует подобному рассуждению о «несбывшемся» в начале романа А. Грина «Бегущая по волнам», из него же – две взаимосвязанные девушки, где одна указывает на другую. Но у И. Абузярова всё гораздо трагичней: Фрэзи Грант утонула, Гарвей – жесток и холоден, драматично осознает свое одиночество. Есть тут легкий намек на рассказ «Долгое ночное плавание» М. Павича, где жертва мужской жестокости вступает с клиентами в отношения «только по любви», в результате чего тоже погибает. Горькая исповедь.